

Создание Воспитательного дома в Екатеринбурге

Такой тип призрения детей, оставшихся без попечения родителей, как воспитательные дома, появился в России в 1763 г., когда вышел Генеральный план Московского воспитательного дома. По этому законодательному акту дома для приема младенцев должны были создаваться в разных городах — закон разрешал принимать и воспитывать младенцев, оставленных родителями. При достижении ребенком возраста 4–5 лет, его необходимо было перевезти в Москву для дальнейшего воспитания¹. Однако принимать младенцев могли лишь состоятельные люди, т. к. от властей они не получали ни какой помощи.

Важным этапом в развитии воспитательных домов в провинции стало разрешение открывать воспитательные учреждения под попечением приказов общественного призрения². Таким образом, с 1775 г. появилось два источника создания воспитательных домов — это частная инициатива и губернское попечение.

В 1770—1790-е гг. губернскими приказами были открыты воспитательные дома в Смоленске, Воронеже, Архангельске, Тобольске, Томске, Перми и других городах. По частной инициативе воспитательные дома создавались в основном в начале 1770-х гг., до выхода «Учреждений о губерниях». Именно тогда были открыты дома в Олонце, Архангельске, Осташкове³.

В этом плане воспитательный дом, созданный в Екатеринбурге в 1792 г., является исключением из общего правила. Во-первых, он был создан уже в то время, когда большинство учреждений воспитания младенцев образовывались приказами общественного призрения, во-вторых, инициатива исходила от небогатого купца третьей гильдии (о нем см. ниже), и, наконец, основатель воспитательного дома в Екатеринбурге не смог получить звание попечителя от опекунского совета Московского воспитательного дома.

Инициатива учреждения Воспитательного дома в Екатеринбурге принадлежала купцу Федору Яковлевичу Логинову. Он пожелал «воспринять на себя должность попечителя и воспитателя несчастных обоюдо пола и родителями оставленных младен-

цев»⁴, принимать и воспитывать детей на добровольные пожертвования и свои средства.

В фонде Екатеринбургской городской думы сохранилось дело, материалы которого обрисовывают ситуацию, складывавшуюся в городе вокруг создания Воспитательного дома⁵. Еще до официального открытия учреждения, горожане, зная о намерении Логинова, приносили к нему младенцев. В течение двух лет было принесено 26 детей, из которых 18 «выбыло, а остальные имелись по наличию». Одному из них — Якову, записанному в Реестре под № 3 — шел пятый год, т. е. перед Логиновым изначально вставала проблема пересылки ребенка в Московский воспитательный дом, как было предписано Генеральным планом.

В августе 1792 г. был получен ответ Опекунского совета на просьбу Логинова об учреждении Воспитательного дома для приносимых младенцев в Екатеринбурге. Совет отклонил прошение Логинова, считая, что младенцы в Екатеринбурге не нуждались в отдельном попечении с его стороны.

К середине августа 1792 г. принесенных младенцев в Реестре, составлявшемся Логиновым для городских властей, числилось уже 30 человек, из которых 18 умерли, а двое были отданы в Исетский завод, т. е. всего на попечении находилось 10 детей. По мнению городской думы они были «вынуждены находиться во опасении могущего быть от недоверчивости на его всякого невинного сомнения или какого нареkania», поэтому она предложила передать начинание Логинова на попечение городскому обществу. Принимая во внимание заслугу Логинова, дума с согласия Городового магистрата зачислила его в службу и высказала в присутствии гласных благодарность. Для него решили учредить специальную должность «особенного попечителя»⁶.

Однако официальное назначение на должность попечителя Логинов получил от городской думы лишь 12 ноября 1792 г. после собрания общества купцов, посадских и цеховых⁷, которое одобрило идею построения в городе Воспитательного дома для содержания незаконнорожденных младенцев «из подаяний от доброхотных дателей». Благоустройство заведения и наблюдение, чтобы младенцы находились в том положении, которое было прописано в законах, а также умножение доходов было поручено

Ф. Логинову. Решение предоставить должность именно ему городское общество мотивировало тем, что он сам «по долгу христианскому приемлет» возложить на себя эту должность⁸.

Основными функциями попечителя являлись, во-первых, «смотрение» за младенцами, и, во-вторых, финансовое регулирование деятельности дома. О каждом поступившем на попечение в Воспитательный дом незаконнорожденном младенце, а также «из них выбывших», он обязан был немедленно сообщить в городскую думу. Он подавал сведения об имени, возрасте и номере, под которым ребенок был записан в Реестре, а также давал необходимые разъяснения. Логинову предписывалось фиксировать подавание в специальной «книге за шнуром и печатью». О приходе и расходе собиравшихся средств в Думу подавались «третные и годовые» отчеты.

Уже в августе 1792 г. было выделено место для строительства здания Воспитательного дома «со всеми принадлежащими службами». По разрабатывавшемуся плану города Дума выделила незанятую территорию на Уктусской улице, начинавшейся у церкви Сошествия Святого духа, определив их как «два места по правую и левую сторону идучи от помянутой церкви вниз по течению реки Исети»⁹. Каждое из мест было по 50 сажень в длину и по 35 в ширину. Помимо этого был предоставлен участок в линии напротив хлебных рядов, рядом с отведенным купцам Дубровиным и прилегавший к харчевням купца Зырянова. Здесь Дума предлагала построить на средства из т. н. сиротской суммы каменное здание, которое бы приносило доход в пользу сирот¹⁰. Но в июне 1796 г. Екатеринбургская городская дума рассмотрела и приняла прошение Логинова об отводе для строительства другого места. Оно располагалось «по течению реки Исети, едучи по дороге за Косулинской батареей по левую сторону пустопорожного места» и включало в себя квадрат, где протекала речка Ольховка¹¹.

Горожане довольно часто приносили в Воспитательный дом «нещастнорожденных» младенцев. Если ко времени официального открытия на попечении Логинова в разное время находилось 26 детей, то в середине августа 1792 г. их было уже 30, а к концу того же месяца поступило еще двое. За первые 2 года и 5 месяцев деятельности Логинова было принесено 38 детей, а к концу

1793 г. попечителем было сообщено в городскую думу о поступлении 65 младенцев¹². В первое время младенцев приносили в бывшую богадельню при церкви Сошествия Святого духа. Туда же приходили родительницы, желавшие разрешиться от бремени.

В Воспитательном доме была очень высокая смертность. В наибольшей степени болезням и гибели были подвержены дети до года, поэтому в октябре 1792 г. был составлен список младенцев с 1 недели до 1 года. Таких оказалось 6 мальчиков и 5 девочек, всего 11 человек¹³. Наибольшие шансы выжить имели дети, которые поступали хотя бы в полугодовалом возрасте. Практически все дети, принесенные в возрасте до нескольких недель, умирали. Как показывают наши расчеты, из детей, принесенных с июля 1792 г. до конца 1793 г., умерло 43 %, прожив в Воспитательном доме менее двух недель, еще 26 % умерли, не дожив до конца года¹⁴.

Большинство проблем, встававших перед попечителем Логиновым, было связано недостатком финансирования. Дом для приносимых незаконнорожденных младенцев в Екатеринбурге содержался исключительно на средства, собиравшиеся в качестве подаяний, и на сумму, выделявшуюся городским обществом на содержание сирот. Ни Опекунский совет, ни Пермский приказ общественного призрения не выделяли средств на его содержание. Так, Приказ, признав саму идею открытия Воспитательного дома благородной, рекомендовал Екатеринбургской городской думе, «соблюдая у себя добрую экономию»¹⁵ самостоятельно выискивать средства на это учреждение. На отправку в Москву детей, достигших пятилетнего возраста, также не было выделено средств.

Для сбора подаяния использовалась традиционная практика по согласованию с Управой благочиния при всех церквях и в публичных местах были размещены кружки «с приличною надписью» — «Для сирот». Все «датели», жертвовавшие в пользу Воспитательного дома, записывались попечителем в книгу «за шнуром и печатью»¹⁶. В книге было расписано каждое подаяние: от кого получено, когда, сколько, а также на чье воспитание предназначалось и было потрачено¹⁷.

В ноябре 1792 г. в качестве подаяния помимо денег поступили две деревянные лавки в Малом гостином дворе и 50 пудов железа. Для получения с них дохода предполагалось отдать лавки в наем, а железо продать. К февралю 1793 г. в книге пожертвований было вписано 594 руб. и 41 коп. подаяния, причем из них было получено 295 руб. 06 коп., 50 пудов железа и уже три лавки в Малом гостином дворе¹⁸.

На 1793 г. капитал Воспитательного дома составлял 685 руб. 20 коп., в том числе харчевни стоимостью 650 руб., лавки — одна по 15 и две по 10 руб., а также медь на 20 коп. Помимо этого, в книге «за шнуром и печатью» числился долг купцу П. Зырянову в размере 350 руб., в течение года было передано по векселям 20 руб. посадским Е. Дохтениновым и 100 руб. поручиком А. Ширяевым. В качестве добротного подаяния в книгу было записано 763 руб. 30 коп., а также 52 руб., вырученных с лавок и харчевен, и 250 руб. полученных от П. Зырянова в долг в августе-сентябре 1793 г. Один из жертвователей передал еще одну деревянную лавку, стоимостью 10 руб., другой — два деревянных дома стоимостью 50 руб. и т. д. Марфа Логинова отказалась получить жалование в размере 12 руб. за воспитание Якова, передав его в пользу Воспитательного дома¹⁹.

В итоге, к началу 1794 г. Воспитательный дом обладал следующим имуществом: харчевни, два деревянных дома, лавки, в том числе каменная, стоимостью 160 руб. 90 $\frac{1}{4}$ коп., и четыре деревянные, находившиеся в Малом гостином дворе под № 21, 61, 65 и 76, а также медь на 20 коп. и 50 аршин холста на 4 руб. 42 S коп. Общие оборотные средства за 1793 г. составили 995 руб. 41 $\frac{1}{4}$ коп. А в следующем году они увеличились до 1044 руб. 95 $\frac{3}{4}$ коп.²⁰

Обилие неденежных поступлений поставило вопрос о необходимости учреждения ссудной казны, откуда, на основании Генерального плана, можно было отдавать средства под залог. По закону Воспитательный дом не имел приказных хлопот и получал право продавать и покупать деревни, земли, дома и т. д., а по окончании ссудного аукциона мог производить продажи посторонним людям. Поэтому при необходимости горожане

могли отдать для продажи свои вещи, причем можно было «скрыть того хозяина имя». За продажу продавцы и покупатели вносили аукционные деньги²¹.

Екатеринбургская городская дума также выделяла средства на содержание неимущих сирот, как в Воспитательном доме, так и в Малом народном училище, где воспитывались дети старшего возраста. Эта сумма прописывалась отдельной строкой в реестре расходов на год. Так, в 1795 г. на них предполагалось потратить 166 руб. 95 коп., а в 1796 г. на неимущих сирот и богадельщиков, кроме собираемых в ящик, выделялось 56 руб. 80 коп.²²

На содержание одного младенца требовалось 15 руб. в год. До 1793 г. Логинов содержал младенцев за свой счет. Он ничего не расходовал из средств, поступавших в виде подаяния, чтобы впоследствии на проценты с них можно было содержать детей. Попечитель мотивировал это тем, что если постоянно использовать средства жертвователей, то придется всегда испрашивать подаяние. Он же предлагал сделать Воспитательный дом «безотяготительным», чтобы не «наскучивать гражданам»²³. Впоследствии он стал сообщать в Думу об использованных деньгах «с подробными сведениями», чтобы ему возвращали истраченные средства. Так, в рапорте от 7 апреля 1793 г. Логинов доложил, что с 1 января по 1 апреля истратил на младенцев 30 руб. 83 коп. В этот период в Воспитательном доме находилось 16 человек в течение разного времени: от 4 дней до трех месяцев. Для шести умерших детей были оплачены свечи и могилы. Но выдать ему приказали лишь $\frac{2}{3}$ суммы (20 руб. 56 коп.)²⁴.

За весь 1793 г. на содержание младенцев было истрачено 158 руб. 08 $\frac{1}{2}$ коп., в том числе 97 руб. 24 S коп. на 13 человек из тех, кто был «в наличии» на конец года²⁵.

Создание Воспитательного дома в Екатеринбурге позволило обеспечить попечение над незаконнорожденными младенцами, оставленными родителями. Не смотря на то, что детей в доме было не очень много, и они часто умирали, для города это было важным начинанием, в особенности из-за того, что осуществлялось оно городским обществом, практически без помощи Приказа общественного призрения.

1 См. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I — СПб., 1830. Т. 16. — С. 343–363. — № 11908.

2 См. Там же. Т. 20. С. 271–278. № 14392. Гл. XXV.

3 См.: Фруменкова, Т. Г. Воспитательные дома и начало светской благотворительности и общественного призрения в России в царствование Екатерины II // Т. Г. Фруменкова // Благотворительность в России: исторические и социально-экономические исследования. 2002. — СПб., 2003. — С. 280–281.

⁴ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.

⁵ См. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 28.

⁶ Там же. Л. 9.

⁷ См. Корепанов, Н. С. В провинциальном Екатеринбурге (1781—1831 гг.) / Н. С. Корепанов. — Екатеринбург, 2003. — С. 40.

⁸ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 28. Л. 46, 49, 58.

⁹ См. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 28. Л. 25, 54 об., Корепанов Н. С. Указ соч. — С. 40.

¹⁰ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 28. Л. 26–26 об.

¹¹ Там же. Д. 53. Л. 70.

¹² См. Там же. Д. 28. Л. 6 об., 7 об., 24, 70 и др.

¹³ Там же. Л. 54–55.

¹⁴ См. Там же. Л. 27–32, 44–45, 63, 65–67, 69, 72–83, 86–91, 93–109.

¹⁵ Там же. Л. 33 об.

¹⁶ Там же. Л. 10 об., 19, 57.

¹⁷ См., например Там же. Д. 37. Л. 30–45.

¹⁸ Там же. Д. 28. Л. 61, 70.

¹⁹ Там же. Д. 37. Л. 2, 9 об., 12, 13 об., 14 об., 16.

²⁰ Там же. Д. 37. Л. 49 об., 50, Д. 43. Л. 56.

²¹ Там же. Д. 28. Л. 61–62 об.

²² Там же. Д. 40. Л. 15, Д. 53. Л. 14.

Там же. Д. 28. Л. 70–70 об.

²⁴ Там же. Л. 84, 85 об.

²⁵ Там же. Д. 37. Л. 11 об.